

Аля Мяун

случайный бывший

УДК 82-3
ББК 84-4
М99

М99 **Мяун А.**
Случайный бывший / Аля Мяун – М.: Литнет, 2026. – 206 с.

ISBN 978-5-521-98457-2

Новый невыносимый босс — мой бывший, который меня не помнит. И что он сделает, если вспомнит? Встреча с бывшим — шанс начать все с чистого листа, или идеальная возможность для сладкой мести? Можно ли войти в одну реку дважды? Теплая новогодняя история о том, как героиня случайно встретила своего бывшего, и что из этого вышло.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98457-2

© Литнет, 2026
© А. Мяун, 2026

Глава 1

Опаздываю, несусь, чуть ли не бегом, по скользким, кое-как посыпанным песком тротуарам зимнего города. В голове мечется мысль: «Караул! Новый шеф съест меня вместо завтрака!»

Мир вокруг решительно не согласен с моей паникой. Он утопает в снегу и мишуре.

Из окна первого этажа подмигивает гирлянда. Мимо пробегает корги в оленьих рожках, таща за собой хохочущую хозяйку. Даже собака понимает – сегодня день для радости, а не для подведения итогов квартала.

Я несусь по тротуару, лавируя между прохожими. Все они движутся со скоростью сонных черепах. Вот мужчина тащит елку, которая цепляет меня за шарф и пытается уволочь в сугроб. «С наступающим!» – кричит он мне вслед. Я что-то нечленораздельно рычу в ответ.

Воздух пахнет мандаринами, хвоей и всеобщей расслабленностью. Этот запах проникает в легкие и пытается саботировать мой рабочий настрой. Из каждой кофейни несется «Jingle Bells». Витрины магазинов кричат о скидках. Снегоуборочная машина, украшенная дождевиком, медленно ползет по дороге, создавая пробку из трех машин и одного автобуса, который мне нужен.

Автобус подползает к остановке, наряженный как цыганский барон. Водитель в шапке Деда Мороза. Внутри – атмосфера филиала утренника. Кто-то везет торт, кто-то – пакеты с подарками или звенящим шампанским. Протискиваюсь сквозь это царство добра, чувствуя себя Гринчем, который спешит украсть не Рождество, а степлер из офиса.

Наконец, моя остановка. Выпрыгиваю из автобуса и делаю финальный рывок. Вот он, родной бизнес-центр. Стекланный, серьезный, абсолютно неуместный в этом хороводе снежинок и праздника.

Осталось только улицу перейти. И я несусь дальше.

В одной руке сумка, в которой, вместе со всякой нужной дребеденью, лежит, со вчерашнего вечера, провалившийся под подкладку, и забытый там, кекс, недоеденный Стёпой; в другой – телефон, который я судорожно прижимаю к уху, пытаюсь дозвониться до сестры.

Воздух морозный, колючий, и дует пронзительный ветер, гоняя по асфальту стылую поземку. Но мне жарко. Под толстым пальто и свитером чувствую себя горячим пончиком, который вот-вот подрумянится до золотистой корочки.

А мои кудрявые волосы, не поддающиеся никакой укладке, выбились из-под шапки и теперь покрываются инеем, словно новогодней мишурой.

Сердце колотится, как айфон на вибрации, а в горле стоит комок паники размером с будущую премию, которую я, скорее всего, снова не получу.

Мысленно прощаюсь со своей работой и, возможно, жизнью, потому что сегодня день, когда в нашем журнале «Шпилька» появится новый главный редактор. Опаздывать в его первый рабочий день – смерти подобно. Ну, по крайней мере, карьерной.

Саша не берет трубку. Звоню, звоню... Только гудки.

Наконец, в трубке раздается хриплый, сонный голос.

– Алло? Даш, что случилось? Что названиваешь, в такую рань?

– Что случилось? – шиплю, перескакивая через сугроб, похожий на спящего белого медведя – Пока ты проводишь ночь с очередным «принцем на белом мерседесе», который потом окажется конюхом, мне приходится отводить твоего сына в детский сад!

– Степа не только мой сын, но и твой любимый племянник! – парирует Саша, и я слышу, как она зевает.

Игнорирую ее речи.

– Из-за этого я теперь опаздываю! Ты плохая, безответственная мать, переложившая заботу о сыне на меня! А у меня работа, и, между прочим, своя личная жизнь!

Последнюю фразу я выкрикиваю особенно громко, но звучит она неубедительно даже для меня самой. В моей личной жизни сейчас такой же застой, как в пробке в час пик.

– Твоя работа ничего не значащая – «подай-принеси», и малооплачиваемая, и ее давно пора бросить и сменить! – с непоколебимым спокойствием заявляет Саша – А уж личной жизни у тебя и вовсе нет!

Вот так всегда. Сначала вставляет нож в спину, а потом еще и крутит им, словно отверткой. Я снова делаю вид, что не слышу.

– Хоть из садика его заberi, кукушка! Я точно не смогу! Новый босс, планерка, аврал...

Говоря это, подбегаю к широкому пешеходному переходу. Зеленый свет мигает, предупреждая, что вот-вот загорится желтый. Делаю рывок, стараясь успеть. Пышный бюст, мой вечный спутник и обуза, коварно мешает равновесию, сумка с провалившимся кексом бьет по ноге, а на ботинках – абсолютно не зимняя подошва.

Все происходит, словно в замедленной съемке – левая нога едет вперед, а правая за ней не успевает. Качаюсь, как маятник, удерживая равновесие, делаю несколько мелких торопливых шагов, пытаюсь устоять, но законы физики против меня.

Падаю.

Тяжело, по-медвежьи, на свое самое мягкое место. Телефон вылетает из руки, и, с нежным звонким треском, отскакивает в сторону. На проезжую часть.

Чувствую тупую боль в районе копчика. Но это ерунда по сравнению с тем, что вижу, подняв голову.

Прямо на меня, тихо и неумолимо, как айсберг на «Титаник», надвигается огромный, брутальный, черный «Ленд Ровер». Его шипованные шины бесшумно катятся по серому асфальту, покрытому легкой паутинкой свежего снега. Замираю, вытаращив глаза, а в голове проносится идиотская фраза: «Вот и сказочке конец...»

Глава 2

Машина замирает буквально в нескольких сантиметрах от меня. Так близко, что чувствую, как от ее массивного бампера исходит волна тепла, смешанная с запахом раскаленного металла и горячей резины.

Проходит бесконечная долгая минута, или час, или год, и я понимаю, что пронесло. Меня не сбили, не задавили, я осталась цела и невредима. И только теперь приходит страх, и начинает трясти мелкой дрожью.

Слышу хлопок двери и возле меня появляются ноги в брюках и мужских модных туфлях. Как бы не был велик мой шок, понимаю, что туфли дорогие и кожаные.

Поднимаю глаза... Владелец столь крутой обуви, одетый в не менее дорогой костюм, и черное расстегнутое пальто возвышается надо мной, как горный пик над пригорком.

Морозный воздух будто трещит вокруг него от напряжения. Он смотрит на меня сверху вниз, и его взгляд – злой и оценивающий, полный бесконечного раздражения – заставляет почувствовать себя крошечной и нелепой.

Загорелое красивое лицо, слегка прищуренные карие глаза, модная стрижка... И...И...

От вида этого лица делается еще страшнее, сердце замирает, дыхание останавливается, и темнеет в глазах. Если бы я стояла, то грохнулась бы в обморок.

– С Вами все в порядке? – недовольно спрашивает загорелый, и этот голос... Низкий, бархатный, с легкой хрипотцой, будто его владелец только что вышел из джаз-клуба или прокашлялся от дорогого сигарного дыма.

О... Этот голос я помню...

И он обращен ко мне. Лежащей в снегу с видом растаявшего снеговика.

– Девушка! Вы как? «Скорую» вызвать? – не унимается водитель «Ленд Ровера».

– Не надо! Все нормально! – бормочу, и поворачиваюсь к нему спиной, ерзая на коленках.

Пока он меня не узнал. Но вдруг узнает? Не надо этого! Не надо! Никак нельзя допустить!

Между тем, из-за меня на дороге бардак и хаос. Объезжающие нас машины сигналият, водители открывают окна и матерятся. Надо подниматься, пока не явились гаишники.

Ноги в модных ботинках опять появляются перед моим лицом. И протянутая рука.

– Вставайте уже! Вы мешаете движению!

Ну уж нет! Сама справлюсь.

И чего прикопался! Садился бы в свою гробину, и ехал дальше!

Опять отворачиваюсь, отползаю, и вдруг вижу свой телефон! Лежит сиротинушка, на дороге, а мимо него проносятся машины... Надо скорей забрать родимого, пока не погиб под колесами!

Бросаюсь в ту сторону, и чувствую, как меня хватают за шиворот, рывком поднимают, и ставят на ноги.

– Долго собираешься ползать по проезжей части? – рявкает благодетель, держа меня за шкирку, как наскодившего котенка.

На «ты» перешел?

Вырываюсь из его лап, поворачиваюсь, и грозно пишу:

– Что Вы себе позволяете?

Все-таки, он очень высокий. А я, по сравнению с ним, очень маленькая, и смотрю в его лицо снизу-вверх.

– А с чего ты кинулась под мою машину? – ядовито интересуется он – Не могла другую выбрать?

Задирает рукав пальто, демонстрируя дорогие часы, (а какие еще могут быть у сына владельца заводов, газет, пароходов?) и, сердито хмуря брови, добавляет:

– Опаздываю из-за тебя! А я очень не люблю опаздывать!

Тоже мне, откровение! Так то, этого никто не любит! Я вот тоже опоздала, окончательно и бесповоротно.

Задыхаюсь от возмущения.

– Я что, специально, что ли? Поскользнулась!

Он бросает на меня пренебрежительный взгляд, и снова с спрашивает:

– Чего стоим? Кого ждем? Зеленый! Или ты решила жить на переходе?

Фыркаю, поворачиваюсь к телефону, делаю шаг... Опять хватается меня, и возвращает на «зебру».

– Да отвали ты! Мне телефон надо забрать! – ору я.

Раз он отринул вежливость, то и я церемониться не буду!

Он отпускает меня, делает шаг в сторону, поднимает мобильник, и небрежно сует мне в руку.

– Теперь пойдешь, куда шла? – интересуется насмешливо.

Зажимаю телефон, проверяю, цел ли... Вроде, цел, и работает. И, гордо задрав голову, шествую вперед, по переходу. Чего уж теперь. Раз он меня не узнал, значит, прятать лицо не имеет смысла. Все равно не узнает. Забыл.

А я его не забыла, и помню, что он и тогда, семь лет назад, был таким же надменным хамом.

Мой случайный бывший, Максим Буланов.

Глава 3

Редакция «Шпильки» – это храм красоты и моды. Пространство лофт, с высоченными потолками и огромными окнами, из которых открывается вид на заснеженный город. Белые стены, стеклянные перегородки и ни единой лишней детали. Стерильно, модно, холодно.

Рабочие места как арт-объекты. Длинные белоснежные столешницы на тонких хромированных ногах, сгруппированные по четыре. Никаких тумбочек, ящичков и прочего хлама. Все должно быть на виду, все должно быть идеально. И на каждом столе стоит крутой комп.

И среди всего этого великолепия – мое место. Оно находится в самом дальнем углу, у стены, рядом со встроенным гардеробом.

На моем столе вечно громоздится стопка бумаг, которые нужно «срочно разобрать», стоит чья-то грязная кружка, которую я забыла унести, лежит мой собственный блокнот с торчащими во все стороны закладками, и обитает многострадальный кактус в горшке, которого я назвала Игорем. Игорь, кажется, находится в глубокой депрессии и уже полгода отказывается расти. Еще на столе присутствует и моя кружка, старая, со сколом на ручке и надписью «Утро добрым не бывает».

Дверей в нашем офисе немного. Главная – входная, тяжелая, металлическая, ведущая в общий коридор бизнес-центра. Справа от входа – дверь в кабинет главного редактора. Она сделана из стекла, чтобы создавать иллюзию доступности, но на самом деле она почти всегда плотно закрыта, как ворота в Олимп. Тем не менее, шеф нас всех видит, пока не опустит жалюзи.

Напротив кабинета – переговорная, тот самый «аквариум для офисных пираний», полностью стеклянный куб с овальным столом и дюжиной стульев внутри. Там проходят все совещания и планерки.

И есть еще две неприметные белые двери в стене за моим столом. Одна ведет в туалет, а вторая – в святая святых, крошечный кухонный уголок. Там стоит навороченная кофемашина, которой я боюсь пользоваться, микроволновка и холодильник, забитый кокосовым молоком, диетическими йогуртами и бутылочками с комбучей. Мой контейнер с котлетами и гречкой смотрится в этом холодильнике как слон в посудной лавке.

А еще есть огромная пробковая доска на стене, которую Лера, наш арт-директор, называет «мудборд». На ней кнопками приколоты вырезки из журналов, образцы тканей, абстрактные цветные карточки. Все это вместе должно нас вдохновлять. Но меня, честно говоря, только вгоняет в тоску. Кажется, даже у этой доски жизнь ярче и интереснее, чем у меня.

И я, Даша Пышнова, в этом царстве роскошного минимализма выгляжу как забытый на дизайнерском диване старый плюшевый мишка.

– О! Сиськи пришли! – раздается жизнерадостный голос.

Это Витька Корзинкин, наш штатный фотограф. Ему лет двадцать семь, он худ, как велосипед, носит узкие джинсы, вечно мятые футболки с провокационными надписями и считает себя гением кадра и мастером пикапа. Его сальные шуточки – неотъемлемая часть рабочего процесса. Он подпрыгивает на своем стуле, щелкает в воздухе пальцами, изображая вспышку, и тут же затягивает свою любимую песенку на мотив какой-то детской считалочки:

– Дашка-пышка! Пышка-Дашка! На щеках два пирожка!

Фамилия у меня, вообще-то, красивая – Пышнова. Звучная, мягкая. Она бы идеально подошла хрупкой блондинке с тонкими запястьями. Но в сочетании с моей фигурой фамилия превращается в клеймо, в комичный эпитет, который Витька с удовольствием эксплуатирует.

Остальные сотрудницы, безупречные богини глянца, тоже отрываются от своих мониторов.